

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК РУССКАЯ ИДЕЯ

1998–2015, выдержки Дятлова Н. С. от 13.11.2015

Христианский социализм как русская идея

1. *«Бог есть любовь»* (1 Ин. 4,8). А потому христианство, исповедующее истинного Бога, — религия любви. Через любовь к ближнему мы обретаем спасение и восходим к Богу Живому. Но, по слову апостола Павла, *«Любовь не ищет своего»* (1 Кор. 13,5). А потому чем больше христианское общество проникается любовью, тем настойчивее оно стремится к общей собственности. Этот закон впервые продемонстрировали первохристиане Иерусалимской общины, когда, исполнившись Духа Святого, они *«все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду»* (Деян. 4,34), так что *«никто ничего из имени своего не называл своим, но все было у них общее»* (Деян.4,32). Если выросшая из нелицемерной христианской любви общая собственность закрепляется в организационно-правовых нормах, то такой общественный строй и является христианским социализмом. Итак, *христианский социализм — это особый общественный строй, идеология которого основана на христианских ценностях (в России — на Православии), а экономический уклад — на социалистических принципах.*
2. Необходимо подчеркнуть, что слово «социализм» тут понимается в классическом смысле — как общественная собственность на средства производства. Более того, христианский социализм стремится не просто к распределению по труду, но к более высокой норме— распределению пропорционально нуждам. Больше должен получать не самый работоспособный, а самый нуждающийся. Это уже «христианский коммунизм» — может быть такое название будет даже более точным.
3. <...> справедливость — лишь социальная форма любви к ближнему.
4. Прежде всего, в построении христианского социализма должна активно участвовать Русская Православная Церковь. Для этого РПЦ должна превратиться из маргинальной организации, исповедующей личное спасение, в подлинного духовного лидера русского народа, способного осуществить его мессианское призвание.
5. <...> образ христианского социализма представляет собой идеал. Человек — существо падшее, и любовь у него — искаженная, неполноценная.
6. В течение тысячелетия основой русской жизни было Православие, освященное святоотеческой традицией. Но именно эта традиция и возвещает о христианском социализме.
7. <...> святоотеческое наследие определенно считает, что не частная, а именно общественная собственность является христианским социальным идеалом. Оказывается, что общественная собственность — вовсе не провокация большевиков-материалистов, а благодатная основа, на базе которой единственно возможно создание духовного общества.
8. Подавляющее большинство населения, крестьяне, жило в условиях крестьянской общины, в которой не было права частной собственности на основное средство производства — землю.
9. К сожалению, дореволюционный период нашей истории, выдвигая принцип «православие, самодержавие, народность», так и не смог построить подлинно христианский социум. Увы, примат Православия и практически поголовное крещение русского народа уживались с рабством и социальной несправедливостью. Такое Православие, официально-храмовое, не стремящееся осуществить правду и любовь на русской земле, было Господу не угодно, так что приход к власти большевиков не следует считать случайностью.
10. Причислял себя к христианским социалистам и Н. Бердяев.
11. [В СССР — Н.Д.] Во многом была реализована соборность, которая лишь брезжила в дореволюционный период. Однако, эта соборность была искаженной — «атеистической соборностью». Атеизм, как уже указывалось, был органическим недостатком советского социализма, увы, — недостатком непреодолимым, предопределившим его гибель.

12. <...> Россия уже дважды в мировой истории, разными путями, пыталась достичь своего предназначения. Первый раз — через идею «Третьего Рима». Тогда Русь пошла путем храмового Православия, но не уделила должного внимания просветлению социальной жизни народа. Второй раз — через «Третий Интернационал», через идею построения общества социальной справедливости, но отрицая веру в Бога. Обе попытки оказались безуспешными. Достичь синтеза не удалось. Теперь перед Россией стоит задача реализации своей идеи через христианский социализм, в котором органично сливаются обе русские традиции.
13. <...> главное препятствие [а пути русского христианского социализма — Н.Д.] — это отрицательная позиция Русской Православной Церкви. Само словосочетание «христианский социализм» рассматривается нашими богословами как абсурдное, связывающее два несовместимых понятия. Христианский социализм объявляется утопией, попыткой устройства «рая на земле». В то же время, за подлинную позицию Церкви принимается концепция «социального христианства», в основу которой кладется примат частной собственности. <...> Важно уяснить, что эта позиция — трагическое недоразумение. Она игнорирует апостольское предание и святоотеческую традицию.
14. Впрочем, официальные документы Церкви отнюдь этому [построению христианского социализма — Н.Д.] не препятствуют. Дело в том, что «Основы социальной концепции РПЦ» по поводу социально-экономического строя хранят молчание, так что пока есть полная свобода определиться. Но пока наши богословы фактически ориентируются на частную собственность, по сути дела следуя протестантским и католическим разработкам.
15. Одно из самых частых обвинений в адрес христианского социализма — «ересь хилиазма», попытка построения «рая на земле». Обвинение надуманное. Прежде всего, само понятие «рай», как оно понимается в христианстве, предполагает бессмертие, вечную жизнь. Конечно же, говорить о победе над смертью до Второго пришествия было бы опрометчиво. В этом падшем мире бессмертие, видимо, недостижимо ни в научном плане (как это предполагал русский философ Н. Ф. Федоров), ни в плане мистическом — как воскрешение праведников по учению хилиастов.
16. <...> чтобы жить в Царстве Божиим, нужно пройти школу общежития, в которой отношения между людьми хотя бы отдаленно напоминают отношения Царства. И в этом огромное сотериологическое значение христианского социализма. Святые отцы говорили, что Царство Небесное начинается уже здесь, на земле. Думается, что это верно не только в личном, но и в социальном плане. Если же кто построением праведных человеческих отношений на земле пренебрегает, то этим он лишь доказывает, что Царство Небесное не очень-то ему и нужно.
17. Пример Советского Союза <...> доказал <...>: человек, даже падший, может жить при господстве общей собственности. Причем, нужно помнить, что все это происходило в условиях неверной, атеистической идеологии, которая не могла дать подлинных стимулов к коллективному труду.
18. <...> подлинная любовь — когда личность сознательно жертвует своим ради всех. Но такая любовь — дело самоопределения каждой личности, свобода которой должна быть соблюдена. Поэтому переход к христианскому социализму не может мыслиться ни через революцию и насильственную экспроприацию, ни через государственное принуждение.

Социальный смысл «симфонии»

19. Лишь только Церковь Христова приобрела легальный статус (что совершилось в начале IV века при императоре Константине Великом), она обнаружила для себя новую серьезную проблему.
20. <...> постепенно Церковь осваивает для себя новое поприще — социум. Правда, зависимость <...> пороков [новообращённого в христианство народа — Н.Д.] от общественного устройства пока святыми отцами не осознается — они по-прежнему обращаются к личным душам, призывая их изменить свое сознание. И многие следуют святоотеческим наставлениям. Но поскольку социум остается неизменным, число таких душ, в процентном отношении ко всему населению, остается ничтожным — общество плодит новых и новых стяжателей.

21. <...> для судеб Церкви уничтожение школы Златоуста имело громадные последствия. По сути дела оно означало, что первая попытка устройства подлинно христианских социальных отношений в масштабах государства потерпела неудачу. Это была лобовая атака, осуществляемая путем воздействия на индивидуальную душу человека, но не поддержанная другими мерами. Государство, всегда считавшее социальную сферу своей прерогативой, воспротивилось такой экспансии и нанесло Церкви чувствительный удар. В результате число церковных моралистов резко уменьшилось, а оставшиеся стали кормиться остатками со стола Златоуста, зачастую искажая и выхолащивая его учение. Церковь занялась догматическими и каноническими спорами, отдав социальное поле битвы гражданской власти.
22. А. В. Карташев, известный историк Церкви и апологет «симфонии», пришел к выводу, что она *«является наилучшей из всех формул, не ясной теоретически, но жизненной практически, открывающей путь к прагматическому и гибкому решению вопроса в каждом отдельном случае при разных изменяющихся обстоятельствах»*. Тут обращает на себя внимание удивительное признание: *«не ясной теоретически»*. То есть, симфония не выводима из Писания или святоотеческого предания.
23. [позднейшая византийская практика — Н.Д.] бывали случаи, когда сильный патриарх противостоял императору, и даже принуждал его к покаянию вплоть до отречения. Правда, в социальные проблемы патриархи уже никогда не вмешивались.
24. <...> сама мысль представляется достойной внимания: священство (т.е. Церковь в узком, «профессиональном» смысле) и государство объединяются в рамках Церкви в широком смысле. Или иначе: император вводится в Церковь, получая в ней особое высокое место с большими полномочиями (об этих полномочиях и говорит Юстиниан в тексте 6-ой новеллы). Или еще иначе: происходит воцерковление государства.
25. Конечно, императоры были православными и кое-что они делали в смысле христианизации общества. Но надо сказать, что в основном они плыли по течению истории и их усилия по переводу общества на православные рельсы носили косметический характер, хотя императоры, в частности, Юстиниан, издали ряд законов, смягчающих бесправное положение рабов, сам институт рабства в Византии никогда не был отменен и дожил до ее падения в 1453 г. Тем более, в Византии и речи не шло о социализме, коммунизме и подобных вещах, пусть даже в виде тенденции. В подобной ситуации виновато не только государство, но и Узкая Церковь, которая, после уничтожения Златоуста, крепко стояла за индивидуальную собственность.
26. Церковь в узком смысле или Узкую Церковь составляют иерархия, священство, клир, монашество, преподаватели церковных учебных заведений — словом все, кто сделал церковное служение своей профессией. Отметим, что даже сторожа и уборщицы храмов, пока они исполняют эту работу, входят в Узкую Церковь. «Народ» же составляют миряне, трудящиеся «в миру». В православных империях — Византии и России — подавляющее большинство населения было крещеным, верующим, хотя часто и богословски безграмотным, но в большинстве своем верующим глубоко, так что и их можно причислять к Таинственной Церкви Христовой. Но повседневная бытовая и социальная жизнь народа, совершаясь в миру, обычно с христианством имеет мало общего. Отсюда и возникает необходимость в Широкой Церкви.
27. В Широкую Церковь входит Узкая Церковь и император (а лучше сказать — государство). Они образуют «симфонию».
28. Узкая Церковь. Образ Широкой Церкви в ней был слаб. Она занималась своими сословными интересами, да еще спасением индивидуальных душ. Судьбы народа и его исторического призвания ей были безразличны. Не сумев должным образом осуществить идею симфонии, она склонилась к обожествлению царской власти.

Глобализация, империя и апокалиптика

29. Апокалипсис говорит, что отрицательная глобализация в истории победит: антихрист воцарится на три с половиной года. Но отсюда вовсе не следует, что эту глобализацию нужно

- принимать. Наоборот, всякий не потерявший совести человек чувствует, что ни смотря ни на что надо поддерживать Глобализацию, несущую добро, правду, справедливость и любовь.
30. <...> империя — двигатель и субъект глобализации.
 31. мир постепенно движется к своему финалу и сепарация пшеницы от плевел происходит всё явственнее. Поэтому необходимо охарактеризовать направленность последнего, сейчас действующего глобализационного проекта, который геополитики часто называют атлантическим.
 32. На глазах культура [России — Н.Д.] превращается в цивилизацию, держава — в территорию, народ — в население.
 33. И прежде всего, недостатки антиглобалистского движения заключаются в отсутствии корней — как идеологических, так и национально-территориальных. Иными словами — полное отсутствие империи как основы проекта. Ныне антиглобалистское движение уже сходит на нет, и этот факт зримо доказывает, что имперское начало в глобализационном проекте необходимо.
 34. <...> любовь должна выражаться в делах — не делах закона, а делах нелицемерной любви. Она должна проявляться не только на уровне межличностных взаимоотношений, но и на социальном уровне, не только к ближнему, но и к дальнему. Иначе говоря, общественный строй империи должен максимально способствовать сохранению и умножению любви. Таким строем, как недвусмысленно учит святоотеческое предание, является общежитие, или в современных терминах — социализм, коммунизм.
 35. Однако православие в России занималось лишь воспитанием душ, приготовлением их к Царству Небесному; социальная же сфера оставалась в тисках безблагодатного, по сути дела, ветхозаветного, социального строя, вмещавшего крепостничество, эксплуатацию, резкое социальное неравенство, деление на «господ и рабов», что, конечно, абсолютно несовместимо со статусом православной империи. И чем дальше развивался русский проект, тем эти недостатки становились более очевидными как для верхов, так и для низов.
 36. Было бы ошибкой рассматривать советскую власть как антихристову (что, к сожалению, часто делалось и делается в патриотическо-православной литературе). Этот проект (впрочем, как и «третьеримский») противоречив.
 37. Однако марксизм, выбранный в качестве идеологии проекта [советского — Н.Д.], негативно относился к религии вообще и к православию в частности. «Вера в коммунизм» впитала в себя ряд высоких христианских принципов, но отрицала Самого Христа. А потому эта вера, не подпитываемая Божественной благодатью, быстро превратилась в пустой официоз, став в послевоенное время предметом насмешек. Пафос строительства лучшего общества заменило чистое стремление к материальному достатку, где советская экономика уступала западной.

Содержание русского проекта

38. В основе христианского социализма лежит заповедь *«люби ближнего, как самого себя»*, осуществление которой неизбежно приводит к идее общей собственности.
39. Идея христианского социализма совмещает в себе высокую духовность с материальными аспектами земной жизни. Прекрасно сочетаясь, обе компоненты идеи — христианство и социализм — поддерживают друг друга. И это соединение Неба и земли придает идее устойчивость и определенность.
40. Русский народ — народ соборный, народ, исповедующий справедливость и равенство, — эти социальные формы любви к ближнему.
41. В начале же XX века выросла целая плеяда русских религиозных философов, добрая половина которых: Булгаков, Бердяев, Карсавин, Эрн, Федотов, Степун, — были христианскими социалистами.
42. Христианский социализм — идея подлинно великая, идея высокая, идея поразительной красоты, идея истинная, которую сразу после завершения земной миссии Господа Иисуса Христа реализовали в Иерусалимской общине его ученики-апостолы.

Православный социализм как будущее России. Тезисы

43. Что нас губит? Наркомания? Коррупция? Пьянство? Засилье гастарбайтеров? Да, всё так. Но всё это — следствия. В конце-то концов нас губит казалось бы безобидное словечко «рынок». Нас губит — капитализм.
44. Цель такого устройства жизни [христианский социализм — Н.Д.] — не в стяжании благополучной, безбедной жизни на земле, а в соборном приближении к Богу, спасении не «малого стада», а многих, в спасении русского народа.
45. На самом деле коммунизм — подлинно христианская идея. Он освящен Священным Писанием (вспомним жизнь Иерусалимской общины, описанной в Деяниях Апостольских), святоотеческим преданием, а также русской историей, как церковной (общежительные монастыри), так и светской.

Отбросим взаимные обвинения

46. Дело в том, что Церковь, в том числе и православная, всегда относилась к социальному строю чисто потребительски: тот строй хорош, при котором Церковь чувствует себя лучше. И оказывалось, что строй, основанный на частной собственности, Церкви более выгоден: собственность дает независимость, устойчивость, средства, которые можно использовать на разные церковные нужды.
47. Однако можно возразить, что Церковь никогда и не ратовала за социальную справедливость. Да, так исторически сложилось. Но дело в том, что вообще церковное учение об обществе оказалось неразвитым. Церковь всегда призывала к личной вере в Бога, к Царству Небесному и уклонялась от решения общественных проблем. Но так всё время продолжаться не может...
48. Ветхий Завет повествует, что на Синайской горе Моисею Богом был дан Закон, по которому должен жить народ, если он хочет соблюдать завет с Господом. В Законе религиозные, бытовые и социальные требования переплетены.
49. Новый Завет подтверждает желательность социальной справедливости, но, однако, не рассматривает ее как социально-нравственный идеал. Новый Завет провозглашает, что есть более высокий принцип — принцип любви. Именно во взаимной любви, включая и хозяйственно-экономические отношения, должны жить христиане.
50. Заметим, что и социальная справедливость не может основываться на чистом законе. И тут нужна любовь, пусть несовершенная, но всё же любовь, как говорили в советские времена, — «сознательность». Эгоисты порушат и перекроют под себя любое законодательство, каким бы справедливым и разумным оно ни было.
51. Конечно, добиться всего этого может только сильная власть. Форма власти тут принципиального значения не имеет, лишь бы она (власть) была православно ориентированной. Ведь задача власти — лишь в поддержании и укреплении выбранного социального строя (в данном случае — социализма).

Православный социализм: обоснование и проблемы реализации

52. Православие же говорит со всей определенностью, что культ мамоны (языческого бога богатства) несовместим с верой в Бога. «*Не можете служить Богу и маммоне*» (Мф. 6:24), — восклицает Спаситель.
53. В смысле политического устройства не только допустима, но и даже желательна православная монархия.
54. Православие предполагает личный аскетизм — обилие вещей, большое богатство пленяют душу, отвращая ее от Бога.
55. <...> таким и должно быть православное государство. Разумеется, так будет только в том случае, когда наши богословы наконец-то признают установление справедливости богоугодным делом.
56. Какова мотивация труда в православном социализме? Православный социализм не отрицает необходимость материального обеспечения жизни человека. Но всё же религиозная

мотивация главенствует. Работать ради Бога, ради любви к ближнему, ради спасения в вечности — вот мотивы, как представляется, наиболее сильные для верующего человека. В то же время мотивы наживы, стяжания как можно большего богатства православный социализм не приемлет. И именно в этом, — в мотивации труда, — можно усмотреть его основное моральное преимущество перед рыночной экономикой.

57. Советский социализм, даже имея атеистическую идеологию и крайне несовершенную мотивацию труда, 70 лет успешно противостоял превосходящим силам Запада, победил в страшной войне с гитлеризмом и построил великое государство.
58. Ибо под свободой христианство понимает свободу от греха, а вовсе не свободу от ограничений.
59. Что касается русских, то нельзя сказать, что они — ярые коллективисты. Нет, коллективизм русских умеренный, старающийся сохранить личную свободу, коллективизм не бытовой, а, скорее, нравственный, который ярко проявляется лишь в тяжелую минуту.
60. Православная вера [в православном социализме — Н.Д.] также не является обязательной (ведь «невольник — не богомольник») — допустимы все неэкстремистские конфессии и традиционные религии, а том числе и атеизм. Но предпочтение отдается всё же православию как исторически обусловленной государственнообразующей религии.
61. Отсюда, кстати, видно, что православный социализм — вовсе не рай на земле. Он есть строй трудовой справедливости, строй служения отечеству, строй, огражденный законами, за невыполнение которых следует наказание.

О православном социализме

62. Функции Церкви при православном социализме расширяются. Помимо проповеди традиционного учения о личном спасении, Церковь исповедует христианство как универсальную истину, как путь к созиданию благодатного общества. Более того, Церковь вырабатывает новые формы миссии, осуществляя проповедь в широких слоях общества и тем самым обеспечивая (по возможности) идеологическую сплоченность общества.
63. Общество же любви в больших масштабах возможно лишь после кардинального отделения овец от козлиц. Это будет только в конце времен. Поэтому в христианском социализме останется падшество, останется грех, останутся болезни и смерть. Это далеко не рай на земле.
64. Скажем прямо: сейчас православный социализм не хотят ни государство, ни Церковь. Про государство все понятно — ныне оно олигархическое и никогда не согласится на православный социализм. А вот с Церковью сложнее. Церковь видит своей задачей приведение людей в Царство Божие, их спасение. Но спасение сугубо в индивидуальном порядке, работая с каждой душой и готовя её к Царству.
65. Казалось бы, все правильно. Только вот закавыка — наш народ гибнет. Просто погибает от тотального капитализма, который совершенно не по духу нашему народу. И даже вырисовывается закономерность — чем больше у нас открывается храмов, тем глубже мы проваливаемся в социальную яму.
66. Но конечно, эгоисты и люди, ненавидящие общинный образ жизни никуда не денутся — они останутся в обществе. На время они затаятся, но после выступят мощной сплоченной группой. Поэтому победу православного социализма следует ожидать лишь на короткое по историческим меркам время — на годы. После он будет сломан (ломать — не строить), и история быстро покатится к своему завершению. Но, несмотря на то, что срок жизни православному социализму отведен небольшой, его осуществление будет исполнением пророчеств о Святой Руси.
67. Первохристиане ждали скорого возвращения Христа на землю во втором Его пришествии, когда по велению Господа Царство Небесное спустится на землю. И они попытались воссоздать (разумеется, по возможности) то, о чем учил Христос. И ясно для чего — для того, чтобы скорее привыкнуть новой жизни и встретить Христа подготовленными к грядущему Царству.
68. Совсем другая ситуация возникает при социализме. Там монарх, будучи олицетворением и вершиной государства, полностью владеет всеми производственными ресурсами страны, что

придает ему огромную реальную власть. Такой монарх действительно может управлять страной и решать все вопросы, включая хозяйственные. Примером такого «монарха де факто» является Сталин.

Глубинный выбор (заметки по психологии собственности)

69. Дело в том, что частная собственность — следствие падшести человеческой. Такой вывод давно сделали греческие святые отцы, авторитет коих мы, русские православные, считаем неоспоримым.
70. Но падшесть человеческая и состоит в том, что человек возжелал быть самостийным, независимым от Бога, а значит — и от других людей. Но что лучше всего воплощает это желание? Конечно же, собственность....
71. <...> разделение труда дает колоссальный выигрыш в производительности, но неизбежно требует организации обмена. Для «собственников» это означает введение рынка.
72. И вообще — как в человеке формируется имущественная установка? Как, когда, под воздействием каких влияний она этот выбор делает, если говорить честно, — загадка. Всё происходит сокровенно, в тайниках души, и свидетелем этому является только Бог. Даже психологи на этот счет молчат.
73. Это и предлагают социалисты: различать (на уровне закона) личную собственность от частной. В последнюю входят средства производства, которые человек непосредственно не потребляет, но которые приносят ему доход.
74. Это — общий закон падшести, согласно которому восхождение по нравственной оси совершается медленно и с огромным трудом, падение же вниз — быстро и без усилий.
75. *«Почему наша школа, наряду с очень симпатичными характерами, способствует выработке иногда ужасных характеров, какими были многие из ушедших?»*. Неплюев отвечает: *«Потому же, почему в Царстве Божиим выработался ужасный характер Сатаны»*. Свобода самоопределения — тайна, которую знает только Бог.
76. Согласно ей [«умеренной доктрине» — Н.Д.], человек должен не поддаваться всем негативным сторонам собственности, но должен принимать собственность как общественный институт. Другими словами, налицо разрыв между низким уровнем права и высоким нравственным уровнем общества.
77. Заранее признавая невозможность христианского преобразования общества, «умеренная доктрина» тем самым формирует людей, с одной стороны, асоциальных, зацикленных на личном спасении, а, с другой стороны, — если все же они не хотят выпадать из общества — типичных «собственников», поддерживающих современный капитализм со всеми его сатанинскими свойствами.
78. <...> католики еще в XII веке считали, что естественным для человека является именно общественная собственность. Но протестантизм, в конце концов, склонил западную ментальность в сторону апологии собственнического начала.
79. Хотя официальная Церковь в России всегда поддерживала «собственников», но сама православная вера, очень глубоко отпечатавшаяся в душах наших предков, видит христианский общественный идеал именно в коммунистическом обществе.
80. Святитель Патриарх Тихон, воспитанный при старом строе иерарх, в 1918 г. анафематствовал советскую власть. Но после (в 1923 г.), поняв волю Божию, он изменил свою позицию: Церковь должна быть лояльной к государству, не вмешиваться в его дела и заниматься исключительно спасением своих прихожан.
81. Новое поколение уже растет циничными «собственниками», так что в обозримое время никаких реальных возможностей вернуться к социализму нет.
82. Нужна была традиция христианского коммунизма, его богословское обоснование, опыты его построения в малом и большом масштабах. Ничего подобного Церковь не делала и, увы, не делает до сих пор. Свою роль «удерживающего» на социальном поле Церковь не выполняет. А потому мир неуклонно сползает к антихристу.

Капиталофилия

83. Она [реклама — Н.Д.] буквально создает ослепительную виртуальную реальность, но купленное вдруг выходит из строя через месяц. Везде обман в красивой упаковке.
84. Хотя неравенство ничуть не уменьшается, но современные производительные силы достигли такого развития, что в Европе первоочередные потребности человека удовлетворяются. Там люди с голода не мрут, и на первый план выходит гонка за довольством и престижем, а после их насыщения — и за властью.
85. «*Чти день субботний*» (для христиан — воскресный).
86. Как видим, налицо движение нашей Церкви к «протестантской этике», что демонстрирует очевидное расхождение между декларируемым вероучением и реальной социальной практикой Русской Православной Церкви. Если в теории Церковь стоит выше какого-либо социального строя, не выделяя ни одного из них, то на практике она прочно встроилась в капиталистические реалии.
87. Для этого необходимо забраться очень глубоко и обсудить давно укоренившееся в Церкви мнение, что единственной задачей Церкви является спасение душ, подготовка их к Царству Небесному. Оно-то, сложившееся в Церкви понимание, если хорошенько подумать, и является искомой причиной [церковной капиталофилии — Н.Д.].
88. Причем, спасение это — строго индивидуальное. Господь судит Вас сугубо в меру вашей личной праведности. А то, насколько праведно общество, в расчёт не принимается. Соответственно, православный христианин ориентируется не на работу по совершенствованию этого мира, а на личное спасение. Для этого душа христианина как бы погружается в иной мир — мир богослужения, круговорота церковных праздников, почитания святых, уже достигших Царства.
89. Вовлечение же масс в гигантские социальные проекты [по мнению Церкви — Н.Д.] крайне опасно, ибо отвлекает людей от дела спасения. Все эти проекты — строительство новой вавилонской башни, которое всегда приводит к гордыне, отвержению Бога и, как следствие, — смуте и братоубийству.
90. Во-вторых [по мнению Церкви — Н.Д.], общество должно быть «асоциальным». Давно замечено, что Церковь имеет наибольший авторитет среди асоциальных верующих. Именно такие люди, занятые не общественным строительством, а своей личной жизнью, максимально ориентированы на личное спасение. Поэтому, чем общество более «асоциально», тем больше людей придет в Церковь.
91. Суть «умеренной доктрины» уместается в двух тезисах: 1) иметь собственность, даже большую, не зазорно, но 2) привязываться к ней душой — грех.
92. [на церковную деятельность — Н.Д.] нужны деньги, и деньги приличные. Откуда их взять? Патриархия денег не даёт, а наоборот их отбирает. За хорошие глазки что-то дают чиновники, кое-что можно выручить на свечной торговле. Но всё равно этого совершенно недостаточно. Остается единственное — молиться, чтобы Бог послал благотворителей, сиречь, спонсоров.
93. Ныне большинство храмов и монастырей живут за счёт спонсоров. Но батюшек это устраивает.
94. С принятием системы спонсорского финансирования ловушка капиталофилии захлопывается.
95. Жизнь своего предприятия, города, нации, страны их [верующих — Н.Д.] перестает интересовать. Изменить что-то им кажется просто кощунством: на всё воля Божия, и если Он захочет, то всё изменится. Наиболее «церковным» считается полное подчинение священнику. Духовные чада бегают к батюшке по каждой малой нужде, а тот уводит их от насущных проблем общества в мир акафистов, икон, всенощных и постов....
96. Наш замечательный религиозный философ Владимир Соловьев об этом писал: *«мы знаем, какую цену могут иметь ходячие ныне заявления, что будто христианство имеет свою единственную практическую задачу нравственное совершенствование отдельного лица и что оно вполне равнодушно к общественному прогрессу. Личное совершенствование может*

быть отделено от общественного прогресса только на словах, а не на деле, а потому все подобные заявления суть лишь бездельные речи».

97. Не удивительно, что к «Основам социальной концепции РПЦ» в среде наших батюшек отношение довольно скептическое и зачастую даже явно отрицательное. Они опасаются, что реальное включение Церкви в социальное поле России может повредить всей веками установленной системе церковного окормления, чурающейся любой политической или социальной деятельности.
98. <...> рай на земле действительно невозможен. Ибо подлинный рай предполагает победу над смертью, что будет даровано Господом с Его вторым пришествием. Но возможен «рай на земле» (уже в кавычках), т. е. более совершенное, чем сейчас, общество, социальные отношения в котором основаны на христианской морали.
99. Бизнес из сомнительной с моральной точки зрения деятельности становится самым уважаемым делом христианина. Благодаря этому протестантские страны сделали настолько мощный промышленный рывок, что католикам пришлось, скрепя сердце, корректировать свою имущественную доктрину, приближая ее к протестантской.

Личное спасение и социальное преобразование

100. Их [«антисоциальной партии» в Церкви — Н.Д.] основной, «убийственный» довод: сторонники социальной работы хотят построить «рай на земле». Это ересь хилиазма, осужденная Вселенскими Соборами. Более того, это чисто масонская, антихристова уловка, призванная переключить человека на строительство социальной вавилонской башни.
101. Конечно, человек к совокупности общественных отношений отнюдь не сводится. Он имеет бездонную индивидуальную душу, огромную личную свободу, а значит — и личную ответственность за всё им совершаемое.
102. Человек, будучи венцом мироздания, силен изменять его, преобразовывать своим трудом, а значит — быть в ответе за него.
103. Любой настоятель монастыря старается так поставить жизнь в обители, чтобы, с одной стороны, не было повода для возгорания страстей. Отсюда — общее имущество, скромная трапеза, недопущение в монастырь женского пола, ежедневный труд.
104. Русский религиозный мыслитель Николай Федоров замечает: *«Царство Божие могло бы быть и было бы внутри нас, если бы не было зла вне нас, и если бы эта внешняя сила не вынуждала нас делать зло».*
105. Отсюда напрашивается вывод: спасение души и преобразование общества — задачи, очень тесно увязанные друг с другом. Чем лучше общество — тем больше спасающихся. И наоборот — чем больше преобразенных душ, тем лучше общество.
106. К сожалению, этот вопрос, опять-таки по доминированию «антисоциальной партии», богословски совершенно не разработан. Но он ждет своего обсуждения.
107. Но грех — не только в душе, но и вне её, зло разлито во всём мире, и потому весь он требует исцеления.
108. Прежде всего, надо твердо сказать, что построение рая на земле — изначальный замысел Господа. Таким мир был создан до грехопадения, таким же он должен быть в своем конце, как «новое небо и новая земля».
109. Зачастую наши «церковные» пахут в хоть и денежных, но сомнительных фирмах, работающих на разрушение России. Конечно, для чистого «себяспасателя» тут проблемы нет, ибо судьба России его не волнует. Но для человека, хоть мало-мальски имеющего совесть, от такой двойной жизни в пору с ума сойти.
110. Монахи всегда у нас были образцом христианской жизни. Собственно, именно монашеская прослойка «антисоциальной партии» и определяет её идеологию. Но есть монахи двух родов. Первые — типичные «себяспасатели»; их интересует собственное спасение, и ради этого они и ушли из мира. Вторые же — настоящие христиане; их забота — наиболее полно послужить Господу.

111. Этот проект [социальный проект Церкви — Н.Д.] должен явиться продолжением и развитием социальной концепции Русской Православной Церкви — документа умного и взвешенного, но всё же еще очень робкого.
112. Очень интересна и значительна в этом смысле философия Н. Ф. Федорова, совершенно непонятого у нас в Церкви. Именно он впервые высказал мысль о двойственном сценарии конца мира: *«Спасение не только может, но и произойдет помимо участия людей, если только они не объединятся в общем деле; но это спасение будет выражением гнева... И, по Евангелию, конец мира наступит лишь тогда, если объединение не состоится, если проповедь Евангелия останется безуспешною».*
113. Интересно, что Федоров всю теорию «себяспасения» считал неправославной: *«...я буквально верю, что если люди останутся такими же противниками воли Божией, как теперь, то последует Воскресение Суда, воскресение вечного наказания; то есть грешники будут осуждены на казнь, а праведники на созерцание казни, что для ищущих лишь личного спасения совершенно справедливо... Такое учение (только личного спасения. — Н. С.), хотя и принимаемое православным богословием, есть католическое».*

Трансформация общества: очерк христианской социологии

114. Тезис о том, что общество требует осмысления, у христиан вызывает довольно прохладную реакцию: зачем, и без этого можно спастись. Тут сказывается давняя христианская традиция мыслить спасение чисто индивидуально. И тогда нужда в социологии, в понимании общественных процессов вроде бы отпадает. Но эта точка зрения обманчива.
115. Безусловно, спасение, соединение с Богом, является наиглавнейшей целью христианина. Но идея чисто личного спасения, вне служения обществу с целью его преобразования, несет в себе опасность индивидуализма и даже эгоизма. Кроме того, без социологии история необъяснима, и, отказываясь от разработки христианской социологии, мы, по сути дела, отказываем христианству в его историчности.
116. У всех на слуху теория Маркса (рабовладение — феодализм — капитализм — социализм — коммунизм). Очень популярны сейчас теории Поппера (тоталитарное общество — открытое общество), Белла (информационное общество), Тоффлера (аграрное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество). Именно они претендуют на объяснение глобальных тенденций общественного прогресса. А что же православные социологи? О них и не слышно.
117. <...> материальная природа человека является законной и необходимой его компонентой. Но она должна не верховодить, а подчиняться духу. Таковым должно быть не только состояние индивидуальной души человека, но и всего общества.
118. Под эту цель [спасение душ человеческих — Н.Д.] в конце концов и была выстроена вся социальная конструкция Византии, о чем и говорит шестая новелла. Поэтому такое общество имеет смысл назвать сотериологическим, т. е. ориентированным на спасение.
119. Сразу отметим, что сотериологическое общество существовало вовсе не только в Византии. Те разновидности язычества, которые придавали большое значение загробной жизни, также образовывали социумы, которые можно условно назвать сотериологическими. Таков, например, Древний Египет с его культом захоронений и пирамид (заметим в скобках, что подлинно сотериологическими могут быть лишь христианские общества, ибо вне христианства спасение проблематично).
120. <...> первые христиане настолько чаяли Царства Небесного, что даже не озаботились организацией производства в общине, что привело в дальнейшем к трудностям.
121. Собственники не хотят расставаться с собственностью, хорошо понимая, что именно она (а не труд) дает им всё: комфорт, устойчивость в жизни, общественный статус, власть.
122. <...> именно милостыня и благотворительность, по этой [«умеренной» — Н.Д.] доктрине, позволяют *«верблюду пройти сквозь игольные уши»*, т. е. спастись богатому.
123. <...> дабы не потерять почву под ногами, западная Церковь решается на перемену доктрины. Это сделал Фома Аквинский, сказавший, что подлинным естественным законом является не

- общая, а именно частная собственность, хотя ее конкретная реализация принадлежит человеческому усмотрению и потому зачастую далека от справедливости.
124. Что же мешало католикам? Мешала католическая Церковь, упорно стремившаяся сохранить сотериологическое общество, мешала «умеренная» доктрина.
125. Ну, а что же католики? В конце XIX века они стали разрабатывать свою социальную доктрину. Естественно, во главу угла они поставили Фому Аквината и частную собственность. Главной целью доктрины была попытка удержать идею сотериологического общества в условиях капитализма.
126. Теперь богословские статьи католиков и протестантов по социально-экономической тематике различить достаточно трудно — и те, и другие принимают этот мамонический мир, указывая, разумеется, на его недочёты, но в принципе рассматривая его как благодеяние для человечества.
127. <...> советский строй, будучи атеистической версией социализма, основывался на особом рода псевдорелигии — марксизме, где вера в Бога подменялась верой в «*светлое будущее человечества*».
128. Таким образом, предлагаемую схему общественных формаций можно изобразить в виде креста, который образует вертикальная (христократическое — мамоническое) и горизонтальная (сотериологическое — коллективистское) составляющие. При этом мы отдаем себе отчёт в упрощенности и даже примитивности этой схемы [общественных формаций по Сомину — Н.Д.], а также в условности новых терминов, далеко не отражающих всю полноту общественных формаций и всю сложность их исторического развития. Но думается, что нечто существенное наша точка зрения ухватывает.

Русская идея обязывает

129. Господь сотворил народ русский, удивительный и прекрасный, одарил его многими поразительными качествами, дал возможность расплодиться и занять аж шестую часть мира. В общем, дал ему статус народа богоизбранного. Но кому много дается, с того много и спрашивается....
130. Социализм — это общественная собственность на средства производства. Вот и тут [в православном социализме — Н.Д.] под социализмом понимается не размытая «социализация», а именно определённый экономический строй, в принципе, аналогичный тому, который существовал в СССР (в сталинские времена).
131. <...> общину нужно было сломать — это и старалась сделать столыпинская реформа. Однако вместо процветания Россию ждала экономическая и культурная оккупация со стороны Запада.
132. Такая экономика [советская — Н.Д.], если она верно построена, может избежать тех страшных и неустраняемых пороков рыночной экономики, о которых мы говорили выше. Но у неё есть свои проблемы, лежащие в сфере мотивации труда.
133. <...> общество [по Неплюеву] могут держать только три силы: любовь, корысть и принуждение.
134. <...> после смерти Сталина новое руководство, не понимавшее принципов функционирования коллективистского строя, резко ослабив принуждение (ликвидация ГУЛАГа), снова оказалось перед проблемой трудовой мотивации при социализме.

Оправдание справедливости

135. Заметим, что в наших текстах Евангелия от Луки стоит «*блаженны нищие духом*», как в Евангелии от Матфея. Но дело в том, что в тексте Луки «духом» появилось только где-то в VIII веке. Так что, все святые отцы читали Евангелие от Луки без «духом», что и обосновывало их социальный пафос.
136. <...> чувство справедливости кардинально отличается от зависти. Чувство справедливости требует восстановления правды, и потому добиваться справедливости можно не только за

себя, но и за других — именно так, в основном, и поступают справедливые люди. Зависть же — чувство сугубо личное, возникающее вследствие неудовлетворенных амбиций.

137. Так в чем же дело? А в том, что справедливость вовсе не является христианским идеалом. Ибо Христом провозглашен куда более высокий принцип. Это любовь. Новозаветным идеалом является чистая любовь, любовь как жертва, как полное отдание всех своих сил на благо ближнему.
138. Являя нам Иерусалимскую общину, Новый Завет завершает библейскую классификацию обществ. А именно: человечеству предоставлены три социальные альтернативы: «общество эгоизма», «общество справедливости» и «общество любви».
139. Тут сразу следует развеять одно недоразумение. Иногда говорят, что коллектив уничтожает личность. Отнюдь. И коллективисты, и индивидуалисты — полноценные личности. Только индивидуалист признает свою личность верховной ценностью и всё подчиняет ее существованию. Коллективист же смиряет себя, сознательно подчиняя свою волю коллективу.

Уранополитизм и капиталофилия

140. капитализм приветствует практически вся «профессиональная», т. е. наиболее авторитетная часть Церкви, в результате чего это мнение становится позицией всей Церкви. Исключения есть, но они редки и серьезного влияния на общецерковное сознание не оказывают.
141. Слово «уранополитизм», такое неуклюжее и даже несколько карикатурное, ввел отец Даниил Сысоев. Он искренне считал, что оно точно выражает церковную позицию — это и есть настоящее православие.
142. <...> традиционный уранополитизм, берущий начало от монашеского отрицания мира, дополняется задачей социального преобразования. Христиане — воины Христовы, и они должны воевать не только с бесовщиной внутри души человеческой, но и с тёмными силами, стремящимися навсегда похитить этот мир у Бога.

О христианском понимании общественных формаций

143. Человечество теряло веру в Творца, перенося свое упование на творение — человека. В результате мировоззрение приобретало иную форму: А именно форму светского гуманизма, где человек является «богом», мерой всех вещей. Это мировоззрение подразумевает секулярность, атеизм и упование на науку как источник истины.
144. Переходы между общественными формациями являются трансформациями общества, совершающимися либо постепенно, эволюционно, либо путем революций. Важно отметить, что нет никакого «железного» закона, вынуждающего историю совершать те или иные трансформации. Переходы в другое общественное состояние объясняются не развитием производительных сил, как в марксизме, а происходящими в обществе духовными процессами, когда содержание (нравственно-духовный уровень общества) стремится воплотиться в наиболее подходящую форму мировоззренческих установок и общественных отношений.
145. Переход МО-ХО от мамонизма к христократии возможен только под действием сугубой благодати в последние времена. Хотя не исключено, что капитализм упадет ещё до эсхатологических времён (гибель вавилонской блудницы). Обратный переход в принципе возможен — вызревание критической массы зла и срыв. Кто знает, может быть об этом повествует апокалиптическое пришествие Гога и Магога после Тысячелетнего царства.

Святые отцы — о праве собственности. Часть I. «Любовь не ищет своего»

146. <...> главное для человека — последовать за Христом. Но этому препятствует многое: богатство, семья, общество друзей, желание утех и творчества и пр. (и богатство — по Златоусту — отнюдь не на последнем месте).

Святые отцы — о праве собственности. Часть II

147. Многие авторы высказывают мысль, что первоапостольский коммунизм был нежизненным, ибо носил потребительский характер. Действительно, о «производстве» в Деяниях ничего не говорится. Но совершенно ясна причина этого: апостолы ожидали скорого пришествия Христа, причем столь близкого, что у членов общины не было сколь-нибудь существенного интереса к воспроизводству средств к жизни, но было явное стремление устроить свою жизнь с максимальным приближением к идеалам Христовым.
148. <...> отличия коммунизма святых отцов от советского социализма. Вся разница — «всего лишь» в любви. В любви к Богу и ближнему. Если же любви к Богу нет, а наоборот, есть богоборчество, то общение имуществ становится инструментом, которым ломается жизнь Церкви, а верующие делаются объектом жесточайших гонений. <...> Если нет любви к Богу, то нет другого стимула к труду, кроме как работать на себя, а потому всё общее начинает рассматриваться не как Божие, а как «ничейное».

Климент Александрийский и св. Иоанн Златоуст: два взгляда на богатство и собственность

149. Климент Александрийский: *«Итак, что же это за новое повеление дает Спаситель? <...> Не чувственное что-либо заповедует Он, что и другими было делаемо, а нечто другое. Он заповедует то, что чувственным лишь означается. Он заповедует большее, Божественнейшее и совершеннейшее, а именно: самую душу и её образ мыслей и расположений обнажать от того, что страстями порождается, и с корнем инородное из сердца вырывать и выбрасывать».*
150. Златоуст повторяет и мысль Климента (видимо, взятую им у стоиков), что по отношению к морали есть вещи положительные, отрицательные и безразличные; богатство же как раз относится к последним.
151. <...> концепция св. Иоанна Златоуста является не просто личным взглядом святителя, а представляет собой вершину всего святоотеческого учения о христианском отношении к богатству и собственности. А потому взгляд Златоуста с полным основанием можно назвать святоотеческим. Что же касается концепции Климента, то святые отцы, отбрасывая неприемлемые её стороны, подобно Златоусту, используют ее как учение для новоначальных.
152. Отцу Иоанну Восторгову вторят многие и многие. Вот несколько примеров. <...> Священник Николай Загоровский: *«Частная собственность составляет сильнейшее побуждение к производительному труду».*

Спор вокруг Иерусалимской общины

153. Дополнительным негативным фактором была несомненная зависимость русского богословия от инославных влияний — как протестантских, так и католических. Попросту говоря, учебники нравственного богословия (а именно сюда относится имущественное учение) списывались, разумеется, с необходимыми коррективами, с инославных книг.

«Удобнее верблюду...» (о евангельском эпизоде с богатым юношей)

154. Но святоотеческая мысль идет дальше и задает вопрос: если ты не надеешься на богатство, то зачем ты его собирал?
155. <...> недоумение Климента относится только к необходимому имуществу и умалчивает о «богатстве», т. е. имуществе значительном, превышающем прожиточный минимум.
156. Как правило, слова эти трактуются духовно: следовать — значит, подражать Христу.
157. <...> апостолы делали Иерусалимскую общину по образу и подобию общины Христа.

I. «Великая любодейца»

158. Кто же она [«вавилонская блудница» — Н.Д.]? Конечно, образы Апокалипсиса с огромным трудом поддаются непротиворечивой интерпретации.
159. <...> главные способы повышения производительности труда — специализация производства и высокие технологии. Отсюда и полная невозможность производить всё нужное самим.
160. Бог определил человеку «в поте лица» добывать хлеб свой. Это означает, что создание материальных вещей, необходимых для жизни в этом мире себя самого и других, — не только обязанность человека, но порученное ему Божие дело.
161. И действительно, на фоне успехов социалистической системы, откровенная эксплуатация уже стала невозможной. Да и зачем выдавливать из людей горчицу — ведь они же могут пригодиться, как потенциальные покупатели.
162. Если раньше, в XIX веке, главной язвой капитализма была эксплуатация, то в XX веке, оставаясь несправедливым, он стал всё более поить мерзостью все народы. Разврат как основа экономики — вот то новое, что придумал капитализм в веке XX и перенес в XXI век.

II. «Выйди от нее, народ Мой»

163. Ещё раз подчеркнем, что образы Апокалипсиса для нас, христиан, пока остаются крепким орешком, и относительно их интерпретации можно делать лишь предположения, более или менее правдоподобные, но являющиеся лишь частным богословским мнением.
164. [Откр; Апок. 20:4–5] Это та самая 20-я «хилиастическая» глава Апокалипсиса, о которой идет спор в Церкви уже полторы тысячи лет.
165. Но знает, знает сатана, что приход антихриста будет уже актом отчаяния с его стороны, что недолго править антихристу, что будет он брошен в «озеро огненное», что за этим и самому сатане будут связаны руки на тысячу лет.
166. Хорошо известно, что функционально собственность делится на два класса — личную собственность и частную собственность.
167. <...> личной собственности — той собственности, которую человек «проедает», использует для поддержания и улучшения собственной жизни.
168. В притчах Господних следует отличать духовный смысл от сюжета, часто нарочито обыденного и потому хорошо понятного слушателям. Смысл притчи — всегда духовный; сюжет является лишь его земной иллюстрацией. Но и особенностями сюжета не стоит пренебрегать — они могут многое уточнить.
169. Вообще, мамона в Евангелии — не просто символ богатства. Это сам сатана, маскирующийся шкурой собственности. Это антипод Бога, который насмерть борется с Творцом, желая заместить Его в душах людей. Это не просто искушитель личных душ, но и мировой властитель, подминающий под себя социальное устройство.

«Ты не можешь более управлять» (к евангельской притче о неверном управителе)

170. <...> *«блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие»* (Лк.6,20) (без «духом» — это слово появилось в Евангелии от Луки гораздо позже, где-то в VIII веке).
171. Ведь не секрет, что владение собственностью, и причем не личными богатствами, а собственностью частной, прежде всего — банковской, фьючеризованной является основой того влияния, которым обладают в этом мире потомки тех, кто отдал Христа на распятие. И кто знает, может быть именно после этой притчи смертный приговор Иисусу был ими утвержден.

Католическая социальная доктрина: спуск в преисподнюю

172. Основатель западного монашества Бенедикт Нурсийский (+512) запретил своим монахам употреблять слово «моё», и велел говорить «наше».

173. В учении Фомы Аквинского можно найти и элементы политической экономии, а именно учение о стоимости и цене. При образовании цены он усматривает пять влияющих на неё факторов (натуральная стоимость вещи, затраты на изготовление, полезность вещи, редкость и субъективная привлекательность для покупателя).
174. <...> именно Пий IX на I Ватиканском соборе (1870 г.) провел догмат о непогрешимости папы; видимо, в своей непогрешимости Пий IX был совершенно уверен.
175. Пий XII (1939–1958) в радиопередаче, посвященной 50-летию «Рерум» (1941), вновь повторяет известный еще со времен Аристотеля аргумент в защиту частной собственности: *«лишите труженика права собственности — какой иной стимул предложите вы ему, чтобы побудить его трудиться и накапливать»*. Пий XII продолжает поддерживать идею корпоративного строя, однако уже без использования скомпрометированного фашизмом термина «корпоративизм». Он говорит, что *«противоположность между капиталом и трудом» — «кажущаяся»*.
176. Другой аргумент [за частную собственность в Centessimus annus–1990 — Н.Д.], правда, очень старый, — отсутствие стимула к труду при социализме.
177. <...> папа [Иоанн Павел II — Н.Д.] отнюдь не склонен замалчивать недостатки капитализма. В Третьем мире он видит эксплуатацию, на Западе — отчуждение. Папа даже опасается, что, благодаря краху конкурировавшего социализма, эти негативные тенденции могут усугубиться. Однако: *«В западном обществе преодолели эксплуатацию, по крайней мере — ту, о которой писал Карл Маркс»*.

Как учили в наших семинариях о собственности и богатстве

178. Кроме того, отец Солярский видит в богатстве и другие положительные стороны: богатство дает возможность освободиться от тяжелого бремени труда, дает средства к образованию, позволяет приобрести любовь и уважение в обществе, оживляет чувство благодарности Богу и, наконец, распространяет *«здоровые понятия и чистую нравственность»*.
179. Настойчиво утверждается, что богатство — дар Божий. Рекомендуются без ропота принимать бедность и трудиться, не предаваясь унынию.
180. Рецензент замечает: *«У евангелиста Луки ублажаются тоже нищие духом (как и у Мф. — Н.С.), а то что им противопоставляются богатые просто, дает толковникам право и в последних видеть не просто богачей, а богатых духом же, т.е. надменных и гордых»*. Неужели даже преподаватели Московской духовной академии в 1916 г. не знали, что в подавляющем большинстве древних рукописей Евангелия от Луки упоминаются «нищие» просто, без «духом»? Наверное, знали, но вынуждены были все социальные моменты Евангелия приравнивать к «общепринятой» доктрине, переводя их, по примеру Климента Александрийского, в «духовный», «александрийский» план.
181. [Коваль Т. Б., «Тяжкое благо: Христианская этика труда» (1994)].

Три парадигмы имущественной христианской этики и судьбы России

182. Можно указать еще на удивительный эксперимент черниговского помещика Н. Н. Неплюева с созданием Крестовоздвиженского Трудового Братства. Неплюев сумел в своем Братстве совместить, казалось бы, несовместимое: православный приход, трудовую коммуну и технологически передовое сельскохозяйственное предприятие. Но попытка распространить опыт Братства на всю Россию не встретила понимания общества.
183. Иногда пытаются возразить: мол, Христос говорит о «сокровищах», о «маммоне», в общем, — о большом богатстве, но не о собственности в принципе. И как бы читая мысли оппонентов, Христос тут же разъясняет свою мысль: *«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но*

говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малOVERы! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:25–34).

184. Можете не сомневаться: на всё общепринятая доктрина выработала своё объяснение [сарказм Сомина — Н.Д.].
185. Думается, что Макс Вебер все же перемудрил. Скорее всего, тут все гораздо проще: протестанты отказались от многовековой церковной традиции, связанной с евангельской и «общепринятой» концепциями. Вследствие такой «отвязанности» они, не замечая того, шагнули гораздо дальше по пути подчинения веры реалиям «века сего».
186. <...> христиане [иерусалимские — Н.Д.] и не собирались долго жить на этой грешной земле, — по мнению богословов, они были уверены, что пришествие Господа вот-вот наступит. Позднейшая коммунистическая мысль, которая до Маркса была христианской, преодолела это ограничение и в своих опытах неизменно осуществляла общинное производство. Примером могут служить наши общежительные монастыри, являющиеся, с экономической точки зрения, образцовыми коммунистическими предприятиями.
187. Но папы предпочитают ссылаться не на Евангелие, а на Фому Аквинского...

Блеф «Протестантской этики»

188. В последующий период творчества Вебера тема влияния религии на экономику становится ведущей.
189. Зомбарт приводит очень простое объяснение: католицизм выдавливал еврейское население из сферы своего влияния, и оно постепенно перемещалось в протестантские страны. Но еврейство несло с собой ростовщичество. Норма Ветхого Завета «иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. 23:20) всегда евреями выполнялась. С одной стороны, это приводило к обогащению еврейского населения и, соответственно, к усилению его влияния. Но, с другой стороны, так или иначе обеспечивался кредит — этот необходимый спутник капитализма: ведь любое капиталистическое предприятие требует первоначального капитала.
190. Далее, Зомбарт приводит и отрицательный пример, являющийся прямым историческим опровержением всей «кальвинистской» концепции Вебера: пуританская Шотландия до XVIII в. была очень бедной страной с пониженной хозяйственной инициативой. Причем исследователи объясняют такую ситуацию засилием Шотландской Церкви, которая навязывала населению свою ортодоксальную пуританскую доктрину. По утверждению шотландских кальвинистов «бог раздал богатства скупым и алчным людям», а потому иметь больше, чем нужно для поддержания жизни, является грехом.
191. Однако Вебер, видимо предвидя такое развитие событий, отчаянно защищается. Прежде всего он делает ряд оговорок, направленных на то, чтобы аргументы противников били мимо цели. Во-первых, Вебер вовсе не утверждает, что причиной возникновения капитализма был кальвинизм. Нет, капитализм как способ производства возник благодаря экономическим и технологическим причинам. Но благодаря кальвинизму выработался особый тип предпринимателя: аскетичного в личном потреблении и полностью погруженного в «дело», в процесс рационального делания денег, причем неважно где — в производстве, в торговле, в банковском деле — лишь бы формально соблюдались без обмана, т.е. лишь бы не нарушались те правила игры, принятые в этой среде и которые новоявленные избранники через парламентские структуры закрепляли в виде законов. Тем самым Вебер сразу ставит на место критиков, слишком смело интерпретирующих его построения.
192. Есть и еще одна причина любви к Веберу. Дело в том, что его концепция очевидным образом конкурирует с концепцией возникновения капитализма по Марксу. Безусловно, сам Вебер

это понимал и сознательно противопоставлял свою теорию марксизму. Маркс в «Капитале» писал: *«При исторических зачатках капиталистического способа производства... жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти... На известной ступени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для "несчастливого" капиталиста. Правда, расточительность капиталиста никогда не приобретает такого bona fide (простодушного) характера, как расточительность разгульного феодала, наоборот, в основе ее всегда таится самое грязное скряжничество и мелочная расчетливость... Накопляйте, накапливайте! В этом Моисей и пророки!.. Накопление ради накопления, производство ради производства — этой формулой классическая политическая экономия выразила историческое призвание буржуазного периода.»*. Итак, Маркс первичным считал страсть к накоплению. Вебер же за первичный фактор берет озабоченность в своем спасении. Позиции совершенно разные. Кто более прав?

193. <...> православный богослов Ф. Карелин <...> обратил внимание на одну закономерность: *«склонность того или иного народа к участию в капиталистическом развитии находится в строгом соответствии и в обратной пропорции к участию этого народа в Евхаристической Трапезе»*. По отношению к полноте евхаристии (в порядке убывания) Карелин различает четыре вероисповедания: православие, католичество, умеренный протестантизм (лютеранство) и кальвинизм. Таким образом, именно фактическое отвержение кальвинистами реальности таинства евхаристии и обусловило их максимальную активность в капиталистической гонке.
194. Протестантство (и прежде всего кальвинизм) выработало очень высокий взгляд на труд как на служение Творцу. Работать следовало не ради вознаграждения и даже не ради хлеба насущного, а ради Бога. Поэтому поощрялось трудолюбие и презиралась праздность. Тем самым хозяйственно-экономическая деятельность стала рассматриваться не только как повинность, налагаемая на человека первородным грехом, но и как сфера полноценной христианской жизни, сфера ничуть не менее важная, чем, скажем, богослужение, молитва и чтение Писания. Кальвинизм старался выработать тип христианина, от которого требовалась, как говорил Вебер, *«святость возведенная в систему»*. Но та же этика подспудно содержала в себе разрушительные элементы.
195. Хорошо известно, что если религиозное движение успешно, то к искренно верующим в большом количестве прилепляется публика, просто заинтересованная в выгоде. А заинтересованные имелись в достатке. Бюргеры были заинтересованы в своей предпринимательской деятельности, землевладельцы — в признании ренты, еврейский капитал — в легализации ростовщичества. И все они так или иначе обосновавшись в протестантских сообществах, стали оказывать давление, чтобы их деятельность была включена в разряд христианских ценностей. Все эти влияния, весь этот уже существовавший «дух капитализма» и отразила новая теология. Э. Вестермарк считает, что, вопреки Веберу, произошло обратное влияние *«капиталистического духа на теологическую догматику»*.

Понять Златоуста

196. Святитель [Иоанн Златоуст — Н.Д.] на замечает, что грех гнездится не только в человеческих душах. Он обитает и в общественных институтах, которые, будучи построены грешными душами, сами вобрали в себя грех, стали как бы затверделым оплотом греха. И этот зафиксированный в общественных институтах грех, в свою очередь, влияет на людей, уродует их, внедряет грех в их души. Поэтому работа по искоренению греха не может сводиться только к воздействию на индивидуальные души. Одновременно нужна работа по улучшению социальных отношений. Иначе мы будем сеять на асфальте. <...> Множество бесконечно ценных душ погибнет.
197. Э. Пюш пишет: *«результатом проповеди св. Златоуста, при полном следовании его принципам, было бы не что иное, как осуществление в самых городах монашеской жизни, — не чисто аскетической и созерцательной жизни анахоретов, но общежития, подчиненного закону труда, за исключением только одного требования — безбрачия»*.

«Стяжатели» и «нестяжатели»

198. <...> весь период татарского ига, благодаря толерантной религиозной политике татар, Церковь была полностью освобождена от выплаты дани.
199. Их [«иосифлян» — Н.Д.] победой пресеклись два благодатных направления — молитвенно- созерцательное и социально-деятельное, направления вовсе не противоположно- альтернативные, синтез которых позволил бы поставить церковное строительство на подлинно христианскую основу.

Государство иезуитов в Парагвае

200. Слишком ясно, что в нашем падшем мире такое явление, как «государство всеобщего благоденствия», не может не вызывать дикой ярости и ненависти. Нет, не внутренние причины, а агрессия «мира сего» привела к его гибели.

«По грехам нашим». О причинах гонений на Церковь в XX веке

201. <...> хулят-то, как правило, именно коммунизм, думая что этим выражают церковную истину. А на самом деле — лишь демонстрируют свое непонимание учения Церкви. Непонимание того, что Церковь должна стремиться к созданию коммунизма, правда, коммунизма своего — христианского, а не того — атеистического, который коммунисты пытались построить. Большевики обличили нас, христиан, в нежелании строить праведное общество. А по сути дела — обличили нас в фарисействе, в безлюбности, в стремлении протиснуться в Царство Божие обрядовой праведностью. Мы должны не проклинать их, а благодарить за науку, каяться и исправлять свои ошибки, учась лучшему, что дала советская цивилизация.
202. [Из записки митрополита Сергия — Н.Д.]: *«приветствовать узаконенный Советской властью в С.С.С.Р. коммунистический строй».*

Конец текста